

Черное яйцо романтизма

«Спящая красавица» в постановке Матса Эка на сцене Гамбургской Штаатс опер

Штутгарт

Хорст Кёглер

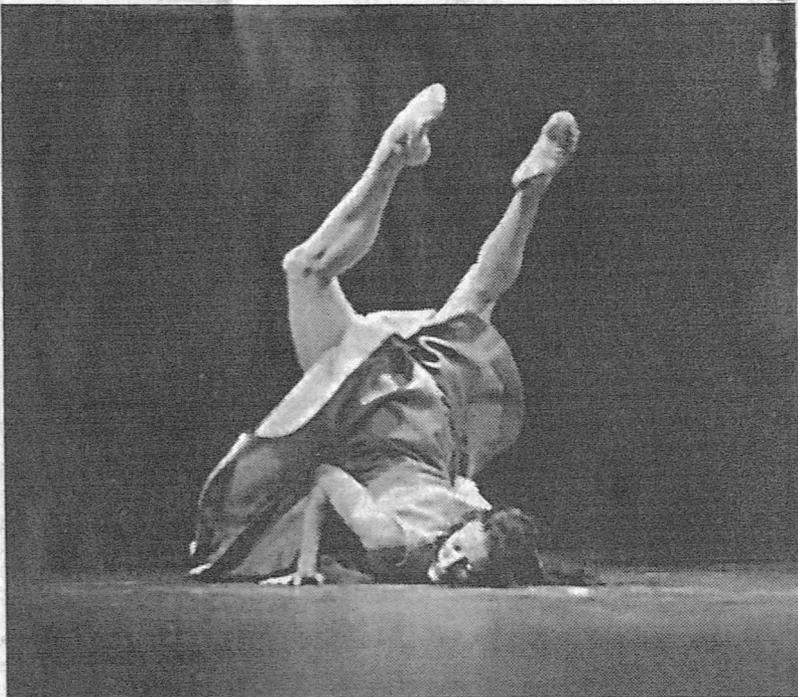
у и глаза сделал бы Чайковский! Да еще по поводу Спящей Красавицы, то бишь Принцессы Авроры! Потому что на сцене Гамбургской оперы ее прежде всего надо зачать. А пространство, придуманное Педером Фрейем, черно как ночь. Брутально-оглушительно гудит музыка из громкоговорителя. Мама Авроры — изможденная помочница Сильвия, борющаяся за выживание в послевоенной Германии (Жоэль Булонь — фрустрированная землеройка), папа же Флорестан — добродушный г-н Потребитель из какого-нибудь Вольфсбурга, если не найдете ничего более подходящего (сказочный Ллойд Риггинс, который запросто мог бы предстать на экране телевизора как управляющий одним из заводов Фольксвагена).

Сразу после зачатия родителям удается отхватить коляску, и от избытка счастья мамаша Сильвия бухается в обморок, а потом, очухавшись, хватается за метелку из перьев и начинает обихаживать кузов. Только после этого можно подумать и о потомстве. Папаша отвозит мамашу с на глазах раздувающимися животом в роддом, где ей помогают, так сказать, разрешиться от бремени старшая медсестра (Анна Подикарпова: та еще язва) вкупе с тремя сестричками (одна клеще другой: Хизер Юргенсон, Лаура Качанита и Ниурка Морело), а главврач по имени Карабос (поддуб в белом халате: Гамаль Гоуда) не отказывает себе в удовольствии вклатить ей хорошенький укол.

Аврора в конце концов вылезает из огромного белого яйца — и проявляет себя с самого начала как хабалка из хабалок (вульгарная, бойкая, без особых церемоний в обращении с мальчишками: Сильвия Ашони). Пикнику с родителями на лоне природы она предпочитает общество бритых и крашенных с берлинского вокзала Поо. Легендарное адажно с кавалерами перероинтерновано с точностью до наоборот: Аврора кадрится сначала к бравому пачку, потом к крутому рокеру и заканчивает нахальным хлышом, ясно показывая каждому из них, что именно ее в мужчине интересует.

Тут снова выныривает на поверхность подозрительный главврач, который, кажется, в результате подделки рецепта потерял место в клинике и превратился в дилера по наркотической части. Аврора, впервые пальнув из пистолета, промахивается, садится в папашин авто — и разбивает его в сосиску, при этом ее саму вытаскивают из-под обломков в бессознательном состоянии. А над черной сценой падает снег, снег, снег.

Смушенная публика вываливается в антракт и думает: да, Джон Ноймайер повозил стокольскому коллеге Матсу Эку — при попустительстве гамбургских фанатов — подложить в свое

насиженное балетное гнездо прехорошенькое яйцо. Заглянув в программку, публика обнаруживает, что ее письменно предупредили о диверсии: «Сказка — это уютный милый домик, на дверях которого написано: «Берегись! Опасно!»

Однако до антракта новое повествование отлично смотрится — с точки зрения не волшебника Шарля Перро, а более мрачных братьев Гримм. Можно только восхищаться безграничной фантазией этой современной, густо наперченной сексом и щедро посыпанной рок-н-роллом хореографии с ее неистребимым ползанием. То и дело буквально вскрикиваешь от бритвенной точности найденной характеристики и расплываешься в улыбке от хрусткого юмора. Качая головой, отмечаешь сногшибательную музыкальность и наслаждаешься тончайшей цветовой гармонией между достаточно экстравагантными костюмами и огромными красными, зелеными и синими стенами, всякий раз ограничивающими место действия (мага, ответственного за освещение, зовут Йораном Веструпом). Не меньший восторг вызывает и качество вработанности хореографического текста — у гамбургских танцовщиков, которые до сих пор ни разу не сталкивались с подобной хореографией.

После антракта вся сцена превращается в единый снежный сугроб. Из него выплывает полубессознательная Аврора и танцует в разлетающемся снегу длиннющую вариацию на метаморфизированную музыку Голубой Птицы. Тут снова выныривает наркобосс — демонический герой черного романтизма в облике сегодняшнего, не лишено известного обаяния, гангстера. После чего драматургия, к сожалению, начинает рассыпаться. Аврора и ее кавалер, протанцевав довольно-таки насильственное pas de deux, опять

доходят до выстрела, а потом отправляются в круиз (на дивертисментную музыку заключительного действия), в котором их в качестве затравки ждет представление Dolly Sisters.

Из рядов публики раздаются протестующие вопли принца Дезире (в высшей степени неблагоприятная роль: Николай Музин) — бритоголового денди в гала-одеянии, однако, что он там выкрикивает, по большей части непонятно. Уловить удастся разве что тирады по поводу засилья иностранцев. Извергая их из себя, принц штурмует сцену, где в это время некий повар (Эдуардо Куэто) торжественно справляет приготовление рыбного супа. Дезире затем разглядывает, как шесть синих пикассовых арлекинов отплясывают классическое pas de six на музыку движущегося леса и как бабушка Авроры (Эва Перрес) с невероятным мужеством сражается с бандой карманников. В конце концов у принца начинает рябить в глазах, он орет свои расистские лозунги и в качестве развлечения шлепает наркобосса.

В апофеозе Дезире освобождает Аврору, сбивает с нее спесь способом «кю здесь хозяин», увлекает ее на минуточку за ширму, а потом устраивает для насиживания: у девушки в подолы — черное яйцо.

Конечно, и во второй части балета есть уйма искусно и фантазийно сочиненных танцев, в особенности для кордебалета из двенадцати аврор, десяти бабушек, двенадцати папаш и двенадцати дезире: столь быстро ухитрятся размножиться — вопреки прогнозам статистики — наше довольно-таки жуткое общество в конце столетия. Однако с уходом в серьез, с возникновением грусти утекающего настоящего куда-то исчезают и удивление новизной, и волшебство непредсказуемости.